

Марк Шагал. «Аллегорическая сцена», без даты

Фриц Маскос.
«Задумчивая женщина», 1922

Анри Матисс. «Сидящая женщина», около 1924 года

Анри де Тулуз-Лотрек. «Генеральная репетиция в „Фоли-Бержер“», 1893 год

Вильгельм Лакнит. «Девушка за столом», 1923 год

часть — работы, которые Хильдебранд Гурлитт оставлял себе. При этом аккуратно оформляя их покупку (были ли те покупки реальными или фиктивными — сразу после войны этот вопрос уже был предметом расследования, но сегодня его задают заново). В 1956 году Хильдебранд Гурлитт попал в автомобильную аварию, от последствий которой вскоре скончался, а функция хранителя на следующие 55 лет перешла к его сыну Корнелиусу. Но всему на свете когда-то приходит конец, и, конечно, радости мало, если он приходит в виде полицейской зондеркоманды. Мне не подалось, но где-то обязательно

ЛИБЕРМАН, БЕКМАН, ШАГАЛ И МНОГИЕ ДРУГИЕ: СНАЧАЛА ИХ НАЗЫВАЛИ СОВРЕМЕННЫМИ ХУДОЖНИКАМИ — А ПОТОМ ДЕГЕНЕРАТИВНЫМИ

должно найтись предположение о том, что вся история Гурлитта — всего лишь роскошная промоакция к выходу в мировой прокат «The Monuments Man». Горы картин, найденные в подвале наследника одного из четырех главных «агентов» культурной политики фюрера. Человек-невидимка, через 69 лет после окончания войны продолжающий жить в своем личном бункере и в одиночку охранять Либермана, Бекмана, Шагала, Франца Марка, Кирхнера, Матисса, Отто Дикса от враждебного мира. Готовый сценарий. Так вот идеальным протагонистом этой сенсационной истории Корнелиус Гурлитт оказался — так бывает — за счет своей удивительной бесцветности. Человек без биографии, плоскость для проекции коллективных и индивидуальных фантазий. Белые пятна каждый журналист заполнял в меру своих способностей. Большая история удалась только журналу «Шпигель»: корреспондент, съездивший с Гурлиттом в путешествие через пол-Германии, в результате написал трогательную историю «человека-фантома», интересующегося только своими картинками, человека без привязанностей, без настоящего образования, никогда не работавшего, не имевшего ни друзей, ни любви, ни детей, всю жизнь охранявшего свой клад и теперь вынужденного осознать, что миссия провалена.

В результате, конечно, все равно получился персонаж из анекдота про партизан, которые через 50 лет после конца войны живут в землянках и по-прежнему пускают поезда под откос. Странный такой мюнхенский партизан с 50 млн в подвале — ну какой город, такие и партизаны!

Экзотика и эксцесс, конечно, всегда ужасно живописны. Но кроме экзотики в истории мюнхенского клада есть и еще одно немаловажное свойство, которое, говоря вслед за Ханной Арендт, хочется назвать банальностью. Сенсационность дела Гурлитта описана в подробностях. Банальность дела Гурлитта никого не интересует. И напрасно. История «клада Гурлитта» — это на самом деле еще и история одной немецкой семьи. Если внимательнее посмотреть не на провенанс найденных картин, а на провенанс их владельца, можно обнаружить массу увлекательного — и кстати, детективного. А так как с семейными ценностями в проклятой Европе, не поверите, все обстоит довольно неплохо, то изучать этот самый провенанс можно почти беспрепятственно. (К примеру, упомянутая в самом начале Высшая техническая школа Дрездена хранит у себя семейный архив деда Корнелиуса Гурлитта, бывшего ректора этой самой школы, о котором речь шла в самом начале. Одна только опись этого архива занимает почти 300 страниц. А «гугл» оцифровал более 50 манускриптов разных представителей этого талантливого семейства.)

Родоначальник, Иоганн Август, прожил 81 год (с 1774-го по 1855-й), занимался изготовлением золотой пряжи и произвел на свет, по одним сведениям, восемнадцать, а по другим — шестнадцать детей. Из, скажем, шестнадцати в истории остались трое — один поэт, один композитор и один художник. Эммануэль, Корнелиус, Луис. Все вольные и невольные участники «картинной» истории — прямые потомки художника. Луис Гурлитт провел значительную часть жизни в путешествиях по Европе, аккуратно перерабатывая все, что попадалось ему на глаза в уважаемые романтические ландшафты, на которых небо всегда немного тревожное, а дом, замок или дерево всегда немного одинокие. Как и у отца, жизнь у него была длинная — с 1812-го по 1897-й, а детей за эту жизнь родилось семеро. Из них история с благодарностью запомнила четверых. Археолога